

Stukalova, Ol'ga Vadimovna

Русский человек "в самую его глубь" : (анализ рассказа Н.С. Лескова "Загон"). Часть 1

Opera Slavica. 2015, vol. 25, iss. 1, pp. 20-29

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/133931>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Ольга Вадимовна СТУКАЛОВА

Русский человек «в самую его глубь» (анализ рассказа Н. С. Лескова «Загон»). Часть 1

Статья посвящена анализу особенностей восприятия и отражения русского национального характера в творчестве Николая Лескова. Автор наиболее полно анализирует рассказ «Загон», в котором отражается в концентрированном виде жизнь российского общества во всем разнообразии проявлений, со множеством деталей. В первой части статьи особенно подробно рассмотрена первая глава этого рассказа.

Ключевые слова: Николай Лесков; русская литература; национальный характер; амбивалентность восприятия истории; проблемы русской жизни

Russian National Character “into the Very Depths” (Analysis of the N. S. Leskov’s Story “Paddock”). Part 1

This article analyzes the features of perception and reflection of the Russian national character in the works of Nikolaj Leskov. The author the most completely considers the story, “Paddock”, which is reflected in a concentrated form of Russian society in all its diversity manifestations, with many details. In the first part of the article in detail it is discussed the first chapter of this story.

Key words: Nikolaj Leskov; Russian literature; national character; the ambivalence of the perception of history; the problems of Russian life

Многие произведения Н. С. Лескова затронули в русской литературе и публицистике сложнейшую и неоднозначную тему русского национального характера. Начиная со 2-ой половины XIX века и по наше время мысли выдающегося русского писателя не утратили своего глубокого значения. Николай Семенович Лесков стремился постичь особенности русских характеров. Но не только сила его таланта, а сама жизнь укоренила надолго созданные им образы в русском сознании.

Н. С. Лесков — явление удивительное в русской литературе: человек, никогда не принадлежавший ни к каким партиям, кружкам, человек, чьи убеждения невозможно охарактеризовать определенно. Лескова отвергали все: и консерваторы, и либералы, и радикалы... Ни одна партия русского общества пореформенной России не желала признавать его своим. По замечанию

Ю. Нагибина: «Он [Лесков] тяжело жил, в вечном противоборстве со всеми и вся: с родными и близкими, даже с собственным сыном, с передовыми людьми своего времени и реакционными властями, с бога не приемлющими и церковниками, с правыми и с левыми, с писателями и критиками, издателями и даже с безмерно любимым Львом Толстым, чью веру исповедовал, а в «Зимнем дне»... так ударил по толстовцам и самому учению великого иересиарха, что Софья Андреевна отказала ему от дома»¹.

В самом деле, Лесков — фигура в русской литературе, наверное, одна из самых противоречивых...

Но, может быть, этот факт не так уж плох, как кажется поначалу? Может быть, это свидетельствует о том, что Лесков всю жизнь стремился к некоей настоящей, ничем и никем не связанной творческой свободе?

Творчество Лескова — прежде всего служение нравственной истине, которая, как известно, не может быть принадлежащей к какой-либо партии, к тому или иному времени, к определенному географическому месту... Сам писатель «видел главное предназначение литературы в том, чтобы «всегда быть около крупных вопросов», и сам всю творческую жизнь следовал этому правилу»².

Возможно, такая позиция Лескова обусловила поразительную глубину его произведений, прежде всего глубину проникновения в самую сокровенную суть русской жизни. Муза Лескова — Россия, даже Русь, со всеми нелепыми чертами ее быта, полуголодным и полупьяным народом, задавленным безжалостной и бездарной властью, абсурдным сочетанием возвышенного и пошлого, светлого и грязного, доброго и жестокого до беспощадности.

Сам Лесков писал о себе: «Я смело, даже, может быть дерзко думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе этого ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе..., так мне не пристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек... Я стоял между мужиком и связанными на него розгами»³.

Лескову была присуща какая-то особая «мучительная» любовь к этой земле, любовь бескорыстная, порой необъяснимая, но идущая от самого сердца, в высшей степени искренняя, ничего не требующая, схожая, может быть, с материнской любовью к больному и слабому ребенку. При этом Лескову ни в коей мере не свойственна идеализация русского национального характера — наоборот, писатель всегда требователен, в первую очередь к себе,

¹ NAGIBIN, Ju.: *O Leskove*. In: Nagibin, Ju.: *Literaturnyje razdum'ja*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1977, s. 6.

² NAGIBIN, Ju.: *O Leskove*. In: Nagibin, Ju.: *Literaturnyje razdum'ja*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1977, s. 75.

³ GROSSMAN, L.: *N. S. Leskov. Žizn'. Tvorčestvo. Poëtika*. Moskva: Goslitizdat, 1945, s. 22.

к своей творческой честности и правдивости изображения и толкования народной жизни⁴.

Важно отметить, что для Лескова в понятие «народ» входят не только крестьяне. Он писал, что «смешно же говорить о своей любви к народу, считая народом только вятского или пермского крестьянина, и оставаться равнодушным к тысячам семей бедных тружеников, задыхающихся в сырых подвалах или дрогнувших на чердаках столиц. Что за классификация человечества? Кто дал право считать отребьем часть людей, рожденных в одной и той же стране и любящих ее, может быть не менее кого-нибудь другого?»⁵.

В понятие «народ», с точки зрения Лескова, входит и интеллигенция, к которой принадлежал он сам («Я тоже «народ» в смысле составной его части...»⁶).

Таким образом, принадлежность к тому или иному сословию или классу не является в этической и эстетической системе Лескова признаком «народности». Народ — это некий собирательный образ, за которым стоит уверенность, что два понятия — Россия (Родина) и народ — это синонимы, это неразрывное целое.

Одной из главнейших заслуг Лескова является то, что он увидел в русском национальном характере скрытое от большинства его современников⁷: удивительную одухотворенность, огромную душевную силу, верность нравственному идеалу.

Талант Лескова проявился прежде всего в том, что он представил читателю великолепные в своей мощи характеры, людей практически из всех слоев общества, устремленных к духовности, к постижению и воплощению нравственных законов бытия. Это и Иван Северьянович Флягин («Очарованный странник»), и провинциальный «нестор» Александр Рыжов («Однодум»), и офицер инженерной службы Николай Фермор, который подчинил жизнь нравственному закону («Инженеры-бессребренники»). Среди лесковских характеров можно встретить и сектантов-рабочих, ожидающих пришествия нового Христа («Обнищеванцы») — все «пламеннейшие идеалисты», донкихоты, те, которые стремятся «делать свое дело», честно выполняя «ближайший долг» и «самым наилучшим органическим образом» служить «наилучшим интересам своей страны».

⁴ См. об этом: цикл очерков Н. С. Лескова: LESKOV, N. S.: *Ruskoje občestvo v Pariže*. 1863.

⁵ GORELOV, A.: *Ja znaju ruskogo čeloveka v samuju jego glub'...* In: Leskov, N. S.: *Ruskiye demonomany*. Moskva: Severo-Zapad, 1994, s. 9.

⁶ GORELOV, A.: *Ja znaju ruskogo čeloveka v samuju jego glub'...* In: Leskov, N. S.: *Ruskiye demonomany*. Moskva: Severo-Zapad, 1994, s. 9.

⁷ Для русской литературы более характерно видеть в народе страдательное начало (ср., например, лесковских «великанов духа» с героями Чехова, которым «звезды засветят лет через двести» или с обитателями Растеряевой улицы, горько и беспощадно изображенными Глебом Успенским).

В то же время Лесков остро чувствовал абсурдность русской жизни, которую, в его понимании, составляют взаимоисключающие явления («Куда стремишься, куда поплывешь ты, о святая родина, на своем утлом корабле со своими пьяными матросами? Как варит твой желудок эту смесь...богомолья с пьянством, спиритских бредней с мечтательным безверием, невежеством с самомнением? ...О, крепись, моя родина! Крепись — ты необходима...»⁸).

Так, в рассказе Лескова «Загон»⁹ как в капле воды отражается в концентрированном виде жизнь российского общества во всем разнообразии проявлений, со множеством характерных деталей, географических и топографических реалий. Здесь Лесков соединяет самые разные жизненные впечатления: орловские, пензенские, остзейские... Не соединимые, казалось бы, картины, благодаря мастерству писателя образуют единое целое — поразительное по всеохватности и глубине изображение России, которую буквально раздирают внутренние противоречия.

Правда характеров, очерченных с удивительным лаконизмом, иногда буквально одной фразой, убеждает мгновенно и бесповоротно, настолько эмоциональны выписанные Лесковым портреты, настолько глубоко изучен материал, отсеяно все лишнее, второстепенное. Каждое слово, каждое определение буквально выстрадано, и читатель чувствует горячее дыхание авторского отношения ко всему, с чем он сталкивается в этом рассказе.

Рассказ этот, на первый взгляд, кажется фрагментарным, но анализ его композиции подтверждает, что в действительности все его части крепко соединены между собой. Такой связующей нитью стала заявленная в прологе идея — символический образ Загона. Загон — это Россия, закосневшая в своем невежестве, отказавшаяся от общения с внешним миром.

Можно сказать, что «Загон» — это не только модель русской жизни, но и ее «энциклопедия». Общеизвестное определение В. Г. Белинского — «Евгений Онегин — энциклопедия русской жизни», являясь по существу, броским журналистским приемом, отражает масштаб, огромный охват проблем, насыщенность разнообразными картинками современной жизни. «Загон» Лескова — произведение совсем нового масштаба, но по насыщенности проблемами, по многообразию персонажей — это тоже своеобразная энциклопедия.

Действительно, в рассказе Лескова есть город, есть деревня, есть курорт, есть крестьяне, разбойники, нищие, помещики, их жены, литераторы, журналисты, иностранцы, священники, инженеры, изобретатели, генерал и генеральша, более того, сам император присутствует на страницах этого удивительного произведения.

⁸ GORELOV, A.: *Ja znaju ruskogo čeloveka v samuju jego glub'*... In: Leskov, N. S.: *Russkije demonomany*. Moskva: Severo-Zapad, 1994, s. 13.

⁹ Впервые рассказ был опубликован в журнале «Книжки „Недели“» (в кн. XI, 1893 г.) с подзаголовком «Рассказы кстату. Апропос».

Вместе с тем, совершенно ясно, что главным для автора являются взаимоотношения людей и земли, на которой они живут, так как все проблемы становятся следствием этого отношения.

В рассказе семь маленьких главок с прологом и эпитафиями. Автор заглядывает в самые потайные, самые темные и ...самые характерные уголки Загона. Эти семь частей, которые объединены между собой образом Загона, представляют собой анекдотические, в общем-то, случаи, «списанные с натуры». Эти маленькие рассказы отражают, соединяясь, национальную ситуацию:

— двойственность самого положения России между Западом и Востоком, изначально определяющая ее обособленный, индивидуальный, странный путь, подчеркнута образом замкнутого пространства темного загона, окруженного стеною, «в который кое-где пробивались трещинки, и через них в сплошную тьму сквозили...слабые лучи света»¹⁰. С одной стороны — «жизница Европы», с другой — «русское полеводство из рук вон плохо». С одной стороны — «Россия должна обособиться, забыть существование других западноевропейских государств, отделиться от них китайской стеною», с другой — «надо вступать в широкое международное общение с миром». С одной стороны — «наши крестьяне обрабатывают землю очень старыми и дурными орудиями», а с другой — «если дать им хорошие вещи, то они сделают с ними то, что делали с бисером упомянутые в евангелие свиньи»;

— противоречивая картина имеет нечто общее, связующее — перед читателем возникает полная «безурядица» российской жизни. В этой «безурядице» Лесков видит определенные закономерности: власти сами не заинтересованы в просвещении народа — ведь невежество позволяет абсолютную безнаказанность верхов, полный произвол с их стороны.

Такова первая история — глубоко драматичное в своей безысходности история переселения орловских крестьян на «девственный чернозем в нижнем Поволжье» и попытка навязать им орудия труда, которыми пахут «в немцах».

Главка названа «Тяготение к желудю и корыту».

Эта крошечная глава, благодаря умению Лескова раздвигать внутренние рамки произведения, носит эпический, монументальный характер.

Лесков замечает полную бессмыслицу, жестокую бессмыслицу происходящего: добрые начинания Шкота обречены из-за каких-то нелепостей — хорошему делу помешал «замысловатый ответ крестьянина», («А тильки як мы станем сими плужками пахать, то где тогда мы будем хлеб себе покупать?»); Лесков тонко показывает еще одну причину неудачи нововведения — старания Шкота сделать лучше, практичнее, удобнее работу русского крестьянина

¹⁰ Цит. по: LESKOV, N. S.: *Sobranije sočinenij v 11 t.* Moskva: Goslitizdat, 1958.

оборачиваются ничем...потому что он «англичанин» («И все бывшие при этом случайные особы схватили этот «замысловатый ответ крестьянина» и, к несчастью, не забыли его до Петербурга; а в Петербурге он получил огласку и надоед Перовскому до того, что когда император по какому-то случаю спросил: «А у тебя все еще англичанин управляет?», то Перовский подумал, что дело опять дойдет до «остроумного ответа», и на всякий случай предпочел сказать, что англичанин у него более не управляет. Государь на это заметил: «То-то!»). Российские власти оказываются также не чужды «тяготению к желудю и корыту». Какая-то удивительная глупость, зависимость от случайностей, личных настроений власть предержащих, полное равнодушие к проблемам, некомпетентность тех, от кого зависит решение...Все эти черты российской жизни, увы, сохранились по сей день. Волонтаризм управления стал причиной настоящей трагедии — гибели почв при освоении целинных земель в СССР в конце 1950-х — начале 60-х гг.

Примечателен эпитет «честный», который дает писатель англичанину, в отношении же Покровского слышится нескрываемая ирония — «Известно, что граф был человек просвещенный и имел характер благородный. За что за ним было усвоено прозвание „рыцарь“». В этих кавычках уже сомнение — в самом деле, Покровский оказывается далеко не настоящим рыцарем. Как только в дело вмешивается его личная заинтересованность, его страх не выглядеть смешным перед императором — он забывает о своих благородных намерениях, и оказывается, что ему совершенно безразличен успех и процветание России.

Заметим, что этот мотив — будущее России — связан в «Загоне» с пониманием значения земли для создания лучшего будущего («Старый Шкот как приехал в Россию, так увидел, что русские мужики пахут скверно и что если они не станут пахать лучше, то земля скоро выпашется и обессилеет»).

С образом земли связаны и описанные Лесковым орудия ее обработки: это и «тяжелые малороссийские плуги», запряженные волами, бредущими по тучному чернозему, и сохи или «Постомысловы ковырялки» — легкое и увертливое орудие орловских крестьян, наследие далеких предков, и «способный смайлевский плуг», которым пахут землю в немцах — удобное, цивилизованное орудие, вызвавшее совершенно неожиданную реакцию у мужика: «...как мы станем сими плужками пахать, то где тогда мы будем себе хлеб покупать?». Лесков мастерски противопоставляет эти предметы даже лексически: просторечное «ковырялки» и звучащее и как похвала «способный», и как нечто заимствованное из западной технологически более цивилизованной жизни «смайлевский» («плуг»).

В этом противопоставлении снова звучит главная тема «Загона», главная боль автора — почему в России (у которой, действительно «німцы» покупают хлеб) все так убого, бездумно, курьезно, на всем лежит несмываемая

печать «глуповства» (от щедринской «Истории города Глупова»)? В чем причина того, что столь богатая, обширная и прекрасная страна с таким «необыкновенным»¹¹ народом живет по каким-то странным и нелепым законам, почему такая великая держава отказывается от «простоты разумения»¹², почему власть не только не способствует укреплению и усилению жизни своих подданных, а наоборот делает все как будто специально хуже, уничтожая на своем пути всех лучших и честных людей? Почему люди, живущие в этой стране не способны помогать другу другу, трудясь на общее благо?

Размышления над этими вопросами звучат в «Загоне» как-то особенно остро, даже памфлетно, Лесков беспощаден и прям в своем раскрытии сути «глуповства» российской «загонной» действительности.

Столкновение интересов, невозможность понимания друг друга людьми, о которых рассказывается в этой главе, передано Лесковым с удивительной лаконичностью.

Это, в первую очередь семья английского управляющего Шкота, граф Перовский — «человек просвещенный» и благородный, за что ему было присвоено прозвище «рыцарь», и «плешивый старик малороссийской породы» с его характерным говорком: «Это вот, зачится, у них, що у нас хлеб купуют?», и сам государь император. Лескову достаточно только одной реплики, чтобы обрисовать тупую неограниченную силу николаевского самодержавия, направленного прежде всего на то, чтобы «Не пущать!», запретить все, что может поколебать созданное веками «сонное царство»¹³. Удовлетворенная интонация в этом кратком «То-то!» отражает, в общем-то, целую государственную философию (так называемую «официальную народность»¹⁴) — «то-то!», мол, пусть англичане знают свое место, Россия же живет по своим, никому не ведомым и непонятным, но по своим «самобытным» законам.

¹¹ Этот эпитет принадлежит самому Лескову: «Боже мой! Боже мой! Что мы за необыкновенный народ! И кто, какой чужеземец может нас знать и понимать и понимать и отводить нам место и значение?». («Монашеские острова на Ладожском озере»).

¹² «Простота разумения» — выражение, ставшее по смыслу опорным в лесковской сказке «Час воли божией». Король Доброхот размышляет над тремя вопросами старцев-праведников: «...отчего у меня под державою не все так, как я хочу: для чего у нас есть холодные и голодные, и отчего не для всех равно все спорится и ладится?» (Цитата по изданию: LESKOV, N. S.: *Povesti i rasskazy*. Moksva: Izdatel'stvo «Pravda», 1988.).

¹³ Начальнику печально знаменитого III отделения при Николае I Л. В. Дубельту принадлежат такие слова: «Не заражайтесь бессмыслием Запада — это гадкая помойная яма, от которой, кроме смрада, ничего не услышите. Не верьте западным мудрствованиям; они ни для вас и никого другого к добру не приведут... Для нас одна Россия должна быть самобытна, одна Россия должна существовать... Противостояние России и Запада должно быть полным и безусловным — в этом залог ее благополучия» (*Голос минувшего*. 1913. № 3. С. 141).

¹⁴ Разработка этой теории принадлежит министру народного просвещения графу Уварову. Главная формула этой теории: православие, самодержавие, народность (Наиболее последовательно основные положения этой теории изложены в отчете Уварова: UVAROV, S. S.: *Desjatiletije ministerstva narodnogo prosvješćenija 1833–1843*. Sankt-Peterburg, 1864.).

Театральный, полифонический эффект производит текст Лескова — каждый персонаж, каждое действующее лицо (а это не только люди, но и предметы), говорит о своем и в результате получается не гармоническое созвучие, а некий нестройный шум, то усиливающийся, то затихающий.

Этот шум передает постоянно сменяющийся ритм маленького рассказа.

Начало исторического «анекдотца» спокойное, какое-то «уютное», затем все убыстряющаяся суэта вокруг нового орудия — трех пароконных плужков, выписанных из Англии. Как только возникают эти злосчастные плужки, начинается активное действие, быстро и часто сменяются лица. Лесков пишет: «[Шкот] взялся за одни из них сам, к другому поставил сына своего Александра, а к третьему — ловкого и смышленного крестьянского парня...затем к плужкам попеременно допускались разные люди». Постепенно настроение поднимается: «...дело пошло прекрасно, ...все находили, что «снасть способна»...борозды самым наглядным образом показали многосторонние преимущества «смайлевского плужка»...Перовский был очень доволен, пожал не один раз руку Шкоту...».

Но затем, именно в этом эпизоде, происходит резкое замедление темпа. В первую очередь, это заметно в диалоге с «плешивым стариком малороссийской породы», который представляет собой разговор двух людей, говорящих на разных языках. Логике этот разговор не подвластен, потому что суть его абсолютно алогична. Переспорить старика невозможно — ведь он готов видеть только результаты, которые лежат на поверхности. Думать же о будущем, о возможных потерях он не в силах. Видно, это качество, действительно, совсем не присуще русскому менталитету (ср. русские пословицы «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», «Бог не выдаст, свинья не съест»; есть еще и знаменитый русский «авось»).

«Плешивый старик» — это символ невежественности, косности, ограниченности русского крестьянства, как бы упирающегося взглядом в землю, не желающего и не могущего, впрочем, из-за полной беспросветности, непомерной тяжести быта поднять голову, взглянуть вдаль, попытаться продумать, устроить свое будущее.

Краткий диалог с этим крестьянином — одно из отражений темы народной темноты, какой-то даже дремучести сознания, темы, которая сближает творения Лескова с «крестьянскими циклами» Глеба Успенского, писателя, о котором сам Лесков говорил, что он — один из тех немногих литературных собратьев, которые «не разрывали связей с жизненной правдой, не лгали и не притворствовались ради угодичества так называемым направлениям»¹⁵.

Успенского роднит с Лесковым несогласие с тем сусальным образом мужика, который возникал на страницах народнических изданий. И Успен-

¹⁵ LESKOV, A. N.: *Žizn' Nikolaja Leskova*. Moskva: Goslitizdat, 1954, s. 133.

ский, и Лесков выступали против народнических иллюзий, опираясь на факт, на документальность материала, заглядывая в темные углы крестьянской жизни, ее «звериного» и «унылого» быта. И Успенский, и Лесков были охвачены одной страстью, одним стремлением — «к одной только правде, хотя бы и болящей, но истинной» (В. Г. Короленко¹⁶). И Успенский, и Лесков пытались в своих книгах разобраться в «хитроумной механике народной жизни».

Нравственная сторона вопроса получает здесь некую новую окраску — социальную: да, земля обладает огромной властью над человеком, да, корень русской жизни — это земледелец, его связь с землей, его труд, его гармонические отношения с природой, но эта власть в условиях российской жизни, когда все хорошее нередко оборачивается дурным, может быть и страшной, убивающей все новое, свежее и непривычное, власть, которая мешает изменению жизни к лучшему, которая стоит на пути прогресса¹⁷. Эта власть может превращаться в глухой забор, огораживающей Загон.

В то же время, по наблюдению Лескова, проникновению «светлых лучей» сквозь «сплошную тьму» Загона мешают не только темнота и невежество народа. Гораздо страшнее и опаснее невежество и ограниченность имеющих право распоряжаться жизнью народа.

(Продолжение статьи в следующем номере.)

Литература:

- GORELOV, A.: *Ja znaju ruskogo človeka v samuju jeho glub'...* In: Leskov, N. S.: *Russkije demonomany*. Moskva: Severo-Zapad, 1994.
- GROSSMAN, L.: *N. S. Leskov. Žizn'. Tvorčestvo. Poëtika*. Moskva: Goslitizdat, 1945.
- KOROLENKO, V. G.: *O Glebe Ivanoviče Uspenskom (Čerty iz ličnych vospominanij)*. Moskva: Lan', 2013. 18 s.

¹⁶ В. Г. Короленко оставил об Успенском интересные воспоминания, опубликованные в 1902 г. Полный текст воспоминаний см.: KOROLENKO, V. G.: *O Glebe Ivanoviče Uspenskom (Čerty iz ličnych vospominanij)*. Moskva: Lan', 2013. 18 s.

¹⁷ Интересным образом повернулась тема истории неудачного внедрения «смайлевских плужков» в перестроечной публицистике, посвященной «крестьянской тематике». Так, Ксения Мяло, например, ностальгически вспоминала о временах, когда ее бабушка, жалея землю, палкой тыкала ее, сажая семена. Думается, что такие «экологические» страдания объясняются экономической некомпетентностью автора. Аргументированные и веские доводы против такой, конечно, во многом привлекательной точки зрения даны в статье Г. Малинецкого «Высшая школа глазами математиков» («Знание — сила». 1995. № 10). Приводимые исследователем факты неопровержимо доказывают, что «если экономика страны невосприимчива к нововведениям, в конце концов, страна оказывается на положении банановой республики». Кстати, автор сообщает, что при обсуждении этих проблем выяснил, что схожие данные получают эксперты Всемирного банка при изучении экономического пути современной России...

- LESKOV, N. S.: *Povesti i rasskazy*. Moksva: Izdatel'stvo «Pravda», 1988.
- LESKOV, N. S.: *Russkoje občestvo v Pariže*. 1863.
- LESKOV, N. S.: *Sobranije sočinenij v 11 t*. Moskva: Goslitizdat, 1958.
- LESKOV, A. N.: *Žizn' Nikolaja Leskova*. Moskva: Goslitizdat, 1954.
- NAGIBIN, Ju.: *O Leskove*. In: Nagibin, Ju.: *Literaturnyje razdum'ja*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1977. S. 75–100.
- UVAROV, S. S.: *Desjatiletije ministerstva narodnogo prosveščeniya 1833–1843*. Sankt-Peterburg, 1864.

Olga Vadimovna Stukalova

Federal National Scientific Institute “Institute for Arts Education”,
Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation
chif599@gmail.com